

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО НА СТРАНИЦАХ «ИСТОРИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ» ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ В ЛОНДОНЕ

Работа посвящена анализу образов прошлого, представленных на страницах «Исторического сборника» Вольной русской типографии в Лондоне. На материалах «Сборников» рассматривается возможность применения образа как метода познания в историческом исследовании. Оценивается значение «Исторических сборников» для развития исторической мысли в России во второй половине XIX столетия.

Ключевые слова: историческая мысль; Россия; Вольная русская типография.

В современном науковедении понятие образа все больше воспринимается учеными как мощный инструмент познания, интеллектуального творчества, не уступающий в «научности» абстрактно-логическому методу познания [1. С. 142]. Естественно, что применение образа как метода познания не могло обойти стороной и гуманитарные науки, в частности историю.

Историческое измерение – важная грань всякого мировоззрения. Знания о прошлом, независимо от меры их истинности, составляют необходимый компонент духовной культуры общества. Поэтому одной из предпосылок самого существования культуры является историческая память общества. Равно как и другие измерения коллективной памяти, историческая память – память образная, т.е. включающая в себя различные образы прошлого, которые определяют общий подход социума к своей истории и формируют его историческое сознание.

Изучение образов прошлого, понимания современниками той или иной исторической эпохи, природы исторического познания и самой истории дает исследователю новые возможности для анализа общественной мысли, общественного сознания конкретного исторического периода. Ведь в процессе формирования исторической памяти принимают участие не только историки, но и деятели культуры, искусства, писатели, философы, представители общественной мысли. Именно они силой своего таланта запечатляют в памяти настоящие образы прошлого. Благодаря их деятельности люди и события прошлого не только прочно закрепляются в памяти социума, но и получают трактовку, оказывающую сильное эмоциональное воздействие на общий подход настоящего к прошлому [2. С. 7].

В этом смысле общественно-политическая мысль России второй половины XIX столетия – самая благодатная почва для исторического анализа означенной проблемы. Все выдающиеся русские историки этого периода времени – виднейшие политические и общественные деятели, игравшие значительную роль в жизни страны: Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, В.О. Ключевский и др. Все властители умов, талантливые публицисты, философы, политики не просто обращались к истории, они жили историей на страницах своих произведений. История воспринималась как «царица наук». Именно она связывала прошлое, настоящее и будущее. Эта была единственная наука, предлагавшая ответы на самые злободневные вопросы своего времени. «В наше время история, – писал А.И. Герцен, – поглотила внимание всего человечества, и тем сильнее развивается жадное пытанье прошлого, чем яснее видят, что былое пророчесствует, что, устремляя свой взгляд назад, мы, как Янус, смотрим вперед» [3. С. 167].

С середины 50-х гг. XIX столетия и интерес к истории значительно усиливается. Появляются многочисленные исторические публикации, посвященные выступлениям против самодержавия, оппозиционной борьбе, т.е. поднимаются те проблемы, которыми было не принято заниматься в официальной историографии. Таким образом, встает проблема официальной (правительственной) и неофициальной (оппозиционной) историографии.

Хотя историческая мысль в России в первой половине XIX в. и лежала в русле общего образа истории, однако имела свои характерные особенности. К одной из них следует отнести расширительное толкование государственной тайны на события прошлого, безгласность, свойственные в той или иной степени любой абсолютной монархии. Признавая свои семейные тайны делом чести, не подлежащими стороннему обсуждению, самодержавие легко включало в систему семейных, интимных секретов общие проблемы, касающиеся экономики, политики, культуры. Отсюда вытекали ограничения на достоверные сведения о дворцовых переворотах, восстаниях, конституционных движениях и других видах оппозиции властям. Постоянное вето накладывалось на многие литературные произведения, историю литературы (как часть оппозиции).

С другой стороны, придворные круги, аристократия хорошо знали многое из секретной истории просто по своему положению, семейной традиции, преданию: в архивах таких фамилий, как Воронцовы, Строгановы, Румянцевы, Панины, обнаруживаются разнообразные документы, не подлежащие опубликованию. Таким образом, многие дворяне были осведомлены о важнейших событиях внутренней жизни страны и ее прошлого из разговоров, писем, рукописей [4. С. 355]. В результате в исторической мысли России этого периода времени отчетливо выражены два противостоящих направления, которые можно условно обозначить как «правительственное» и «оппозиционное». Конечно, в исторической научной мысли любой страны всегда присутствуют различия в подходе к прошлому и его оценке. И все же важно подчеркнуть то, что в России главным критерием расхождения названных направлений в освящении прошлого был фактор внеаучного порядка – политический фактор. Отсюда наличие мощного политического (официального или оппозиционного) заряда в подходе к изучению прошлого, ярко характеризующего бинарную природу отечественного общественного сознания. Зачастую сам факт публикации того или иного документа служил средством общественной борьбы.

В такой напряженной атмосфере повышенного интереса к своему прошлому и была организована Воль-

ная русская типография в Лондоне, которая стала вскоре, по словам ее создателей, «убежищем всех рукописей, тонущих в императорской цензуре, всех изувеченных ею» [5. С. 14]. В 1859 г. выходит первый «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне». Цель этого издания была заявлена уже в предисловии к сборнику: «Вольная русская типография в Лондоне будет время от времени издавать небольшими книжками Исторический сборник разных документов, невозможных для печатания в России» [6. С. 5] (выделено мной. – *М.Ш.*). Несмотря на все препятствия, в Лондонскую типографию поступало достаточно много документов, причем корреспонденты типографии доставляли материалы часто с большой опасностью для себя. Среди них: литераторы, историки, редакторы различных журналов (редактор журнала «Библиографические записки» А.Н. Афанасьев, писательница Марко Вовчок, редактор «Русской старины» Семевский), декабристы (Пушкин, Штейнгель, Цебриков) и др.

Таким образом, уже сама публикация документов, запрещенных к публикации в России и с таким трудом доставленных в Лондон, даже без комментариев, несла в себе некий подтекст, заряд, разрушающий тот образ прошлого и подход к истории, который сложился в официальной историографии.

Почти все документы «Исторического сборника» относятся к XVIII – первой половине XIX столетия, что также отражает возросший интерес к недавнему прошлому, способному, по мысли А.И. Герцена, пролить свет на многие вопросы современности: «...Мы очень мало знаем наше XVIII столетие. Мы из-за варягов, новгородцев, киевлян не видим вчерашнего дня; зубчатые кремлевские стены заслоняют нам плоские линии Петропавловской крепости. Разбирая отчетливо царские грамоты, мы мало знаем, что писалось на ломаном русском языке в петербургских канцеляриях... Протверживать историю этих времен очень полезно и для правительства, чтобы оно не забывалось и для нас, чтобы мы не отчаивались» [5. С. 15].

Из приведенного высказывания мы видим, что А.И. Герценом актуализируется связь времен, подчеркивается важность недавнего прошлого для понимания настоящего. Конечно, это убеждение лежало в русле общей парадигмы науки того периода времени. Но здесь важно подчеркнуть другое: актуализация событий «вчерашнего дня» для организаторов Вольной русской типографии – больше, чем простая констатация связи времен. Обращение к недавнему прошлому для А.И. Герцена и Н.П. Огарева было одной из форм борьбы за разрушение официального образа истории. В результате в сам процесс исторического познания «по умолчанию» включался своего рода «протестный заряд», разрушительный импульс, что придавало формирующемуся образу прошлого черты конфликтности, незавершенного процесса борьбы, противостояния.

Все исторические документы, представленные в сборнике, можно условно разделить на следующие группы:

1. Документы, характеризующие тайную жизнь царской династии.
2. Письма, мнения, записки видных общественно-политических и государственных деятелей, таких как Н.С. Мордвинов, Ростопчин, Фонвизин и др.

3. Документы, посвященные истории декабризма: дневники, записки и письма декабристов.

4. Документы, разоблачающие порочные стороны николаевского административного и церковного управления: доносы митрополита Литовского и Виленского Иосифа к обер-прокурору Синода Протасову и некоторые другие материалы.

5. Выписки из исторических архивов и дневников известных общественных деятелей, историков, посвященные различным периодам истории России. Среди них «Некоторые выписки из бумаг М. Данилевского», «Из записок А.Ф. Воейкова», «Отрывки из записок Л.Н. Энгельгардта».

Работая с документами первой группы, А.И. Герцен выделял присутствовавшую в них особенность: «...постоянно забывалось одно – Россия, народ, – о них даже не упоминали. Вот черта, характерная для эпохи» [4. С. 349–350]. Позднее эту же особенность Герцен относил ко всей современной ему историографической ситуации, освещающей прошлое лишь сквозь призму правительственных распоряжений, дат и событий, войн и конфликтов, как результатов деятельности правящих дворов. Удивительно современной выглядит мысль А.И. Герцена о необходимости многопланового освящения исторического процесса (одна из характерных черт герценовского восприятия прошлого, выводящих ее за рамки господствующего образа истории). Герцен и Огарев в своих изданиях стремились как минимум к двухплановому показу русской истории: России борющейся (многонациональной, народной) и России придворной, во всем хитросплетении мрачных тайн, убийств, сомнительных происхождений и шатких династических прав. Такой подход к формированию образа русской истории объясняется также особенностью историографической ситуации в России в середине XIX в., о которой говорилось выше – наличием мощного мировоззренческого (читать – политического) элемента в структуре исторического познания.

Двухплановое освещение истории особенно ярко проявилось в публикуемых издателями Вольной типографии материалах первой половины XIX в. Придворные тайны, эпизоды из истории «верхов» в этот период почти слиты с фактами общественной борьбы. Даже описания важных политических событий, вышедшие из правительственного лагеря, являются в Вольной печати дополнением к документам и воспоминаниям противоположной стороны. Так, секретно приготовленная по приказу Александра I «Государственная уставная грамота» непосредственно относится к истории декабристов и польского восстания 1830–1831 гг. [7. С. 191–239]. В результате мы видим, что образы прошлого на страницах «Исторических сборников» имеют свою пространственно-временную структуру, в которой прослеживается внутренняя связь между порой внешне никак не связанными документами, фактами или событиями. Наличие такой структуры, ее характер и определяют главные смыслы создаваемого образа былого.

Здесь важно подчеркнуть еще одну особенность герценовского подхода к прошлому. Лондонскими издателями публиковались и использовались для анализа источники, не укладывающиеся в рамки классических представлений об исторических источниках. Речь идет

о слухах, воспоминаниях, легендах, ходивших среди народа: легенде о ссыльном поселенце Афанасии Петровиче, «переписке по делу об убийстве аракеевской Настасьи», воспоминаниях о страшном взрыве народной ненависти – новгородских бунтах 1831 г и т.д. Таким образом, в контекст исторического познания включались не только источники, поддающиеся процессу формальной верификации, но и очень специфические материалы, использование которых в исторических исследованиях стало общим местом лишь в XX в. «Имеют ли некоторые из них полное историческое оправдание или нет, – писал А.И. Герцен в предисловии ко второму «Историческому сборнику», – не до такой степени важно, как то, что такой слух был, что ему не только верили, вследствие его был поиск, обличивший сомнение самих представителей царской династии» [7. С. 10]. Эта мысль А.И. Герцена даже сегодня не потеряла своей актуальности.

Новым для современных издателям парадигмы истории являлось смещение акцентов в их историческом повествовании с дат и событий к истории идей. Общественная мысль XVIII – первой половины XIX в. представлена в издательской деятельности Герцена и Огарева в виде различных сочинений, мнений, писем, связанных с такими деятелями, как Фонвизин, Радищев, Н.С. Мордвинов, А.П. Ермолов, М.М. Сперанский. В контексте истории идей, по мнению А.И. Герцена и Н.П. Огарева, особенно четко прослеживается связь времен; именно здесь актуализированное прошлое через современные идейные комплексы связывается с мыслями о будущем. Интересно, что и свою деятельность Герцен помещал в общую канву истории развития идей: Радищев – «наши мечты, мечты декабристов», Фонвизин – первый в «фаланге великих на-

смешников» [4. С. 110]. Порой на станицах Вольных изданий пересекались произведения, принадлежащие перу идейно разнонаправленных мыслителей. Пример: Панины и Фонвизин, Щербатов и Радищев и т.д. По мысли Герцена, на страницах исторических публикаций их объединяло проявление свободомыслия, формирование крупных, ярких, оригинальных характеров, личностей. И там, где не могло быть преемственности идей, там сложными путями шла преемственность характеров. Эта мысль о внутренней связи, родстве идей и характеров внешне идейно не связанных мыслителей также во многом опережала свое время и по своему смыслу удивительно перекликается с современной проблематикой новой интеллектуальной истории.

Вопрос о значении «Исторических сборников» для дальнейшего развития исторической мысли в России по-прежнему еще открыт, однако несомненным остается тот факт, что публикации исторических документов опередили примерно на 30 лет соответствующие публикации в России [5. С. 18] и являлись единственным печатным источником целого ряда исторических сведений, важных для развития науки. Сам факт последующего воспроизведения материалов из «Сборников» в различных нелегальных изданиях доказывал несомненную потребность в них развивающейся исторической мысли. «Исторические сборники» имели двустороннюю связь с русским обществом, которое и вбирало их информацию и поставляло ее. Использование образа как метода познания в процессе работы с материалами, историческими сборниками дает основания утверждать, что формируемые А.И. Герценом образы прошлого не определили общий характер и настрой исторической мысли, но в целом ряде моментов предвосхищали ее развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухотин А.К. Научно-художественное пересечение. Томск, 2002.
2. Историческая наука и историческое сознание. Томск, 2000.
3. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1962. Т. 2.
4. Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. М., 1973.
5. Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М., 1971. Книжка III.
6. Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М., 1971. Книжка I.
7. Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М., 1971. Книжка II.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 июля 2009 г.